

ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В ТЕТРАЛОГИИ М. АЛДАНОВА «МЫСЛИТЕЛЬ»*

Кочетова С. А. **

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению темы перманентного диалога русской и французской культур, представленной М. Алдановым в тетралогии «Мыслитель» («Девятое Термидора», «Чертов мост», «Заговор», «Святая Елена, маленький остров»). Автор приходит к выводу о том, что сопоставление и трактовка исторических параллелей, заявленных уже в романе «Девятое Термидора», является камертоном для их дальнейшей разработки в произведениях цикла.

Ключевые слова: диалог культур, исторические параллели, тетралогия, проблематика

* Статья поступила 15.04.2013 и прошла рецензирование 12.07.2013.

** Профессор, декан факультета французского и немецкого языков Горловского института иностранных языков Государственного высшего учебного заведения «Донбасский государственный педагогический университет» (Украина).

On the Issue of Historical Parallels' Functions in the Tetralogy «The Thinker» by M. Aldanov.*

Kochetova S. O.**

Abstract

The article considers the representation of the permanent dialogue between Russian and French cultures in the tetralogy «The Thinker» by M. Aldanov (comprising «The Ninth Thermidor», «The Devil's Bridge», «The Conspiracy», and «St. Helena: Little Island»). The author arrives at a conclusion that comparison and interpretation of historical parallels introduced in the novel «The Ninth Thermidor» functions as a camertone for their development in the following works of the cycle.

Key words: dialogue of cultures, historical parallels, tetralogy, subject matter.

* Received: May 15, 2013; Accepted: July 12, 2013.

** Professor, chairman of The French and German Languages Faculty, Horlivka Institute for Foreign Languages HSEE «Donbass State Pedagogical University».

馬·阿爾答諾夫《思想者》 四部曲中的歷史類比現象*

柯切托娃**

摘要

論文旨在研究（探討）馬·阿爾答諾夫《思想者》四部曲中俄羅斯及法國文化的延續對話的主題（《熱月九日》、《惡魔的橋》、《陰謀》、《聖赫勒拿小島》）。本文結論在於作者認為在小說《熱月九日》已呈現出的歷史類比的對照和詮釋是共振出後續系列創作的音叉。

關鍵詞：文化對話、歷史類比、四部曲、難題

* 本文 2013 年 4 月 15 日到稿，2013 年 7 月 12 日審查通過。

** 作者係俄羅斯國立高等學校頓巴斯國立師範大學法語與德語系教授兼系主任。

Творчество М.А. Алданова, несмотря на появление в последние годы глубоких исследований, по-прежнему, недостаточно изучено. Так, при рассмотрении тетралогии «Мыслитель», как правило, литературоведы, изучая проблематику и поэтику произведений, входящих в её состав, мало внимания уделяют одной из ведущих тем всего творчества писателя – установлению перманентного диалога культур двух стран, России и Франции. Отдельные литературоведческие работы о творчестве писателя, содержащие интересные наблюдения над «русско-французской» темой, только способствуют актуализации их дальнейшего осмысления [6, 7].

Диалог, постоянно присутствующий на страницах произведений «Девятое Термидора», «Чертов мост», «Заговор», «Святая Елена, маленький остров», определяет, в первую очередь, круг болевых точек в тезаурусном контексте всего творчества писателя. Тема судьбы России, как наиболее актуальная и требующая осмысления, становится центральной для всего цикла произведений, объединённых в тетралогии «Мыслитель». Как подчёркивал Н.А. Бердяев, «в истории, как и в природе, существует ритм, ритмическая смена эпох и периодов, смена типов культуры, приливы и отливы, подъёмы и спуски. Ритмичность и периодичность свойственны всякой жизни. Говорят об органических и критических эпохах, об эпохах ночных и дневных, сакральных и секулярных. Нам суждено жить в историческое время смены эпох. Старый мир новой истории <...> кончается и разлагается, и нарождается неведомый ещё новый мир. Эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало *нового средневековья*» [4, с. 548]. При осознании глубины происходящих на Родине глобальных перемен неизбежным для писателя становилось стремление попытаться дистанционно и максимально объективно проанализировать разворачивающиеся исторические события. При великолепном знании истории, особенностей становления французского

государства и общества на протяжении многих веков, М. Алданов намеренно выводит не первый план повествования проблему сопоставительного анализа путей исторического развития двух стран: Франции и России. Важным для писателя становится даже не сам факт сопоставления тех или иных событий, но рассмотрение тех или иных закономерностей, которые вырисовываются при сравнении жизни двух народов. В тетралогии, на наш взгляд, органично репрезентированы представления писателя-историка о создании открытого общества, идеи, к которой мир пришёл уже в современную эпоху. Важность обмена разного рода информацией между различными национальными обществами «уходит» на второй план, а установление диалога культур, предполагающего постоянный обмен и взаимообогащение накопившимся историческим опытом, становится ведущей задачей деятелей культуры, в том числе и мастеров художественной словесности. М. Алданов, создав тетралогии «Мыслитель» во многом предвосхитил обращение писателей XX века к необходимости поддержания взаимонаправленного контакта.

В целом, как известно, диалог культур является формой существования культуры. Для М. Алданова соединение и сопоставление в цикле произведений разных точек зрения на определённые темы предоставляет возможность как можно более объективно изложить свой взгляд на конкретную проблему. Отметим также, что по нашим наблюдениям, художественно осмысленные события из русской и французской истории в тетралогии «Мыслитель» представлены по принципу дополнительности (Н. Бор), согласно которому для полноты понимания проблемы необходимо принимать во внимание на первый взгляд взаимоисключающие явления как дополнительные. Другими словами, сопоставление, казалось бы, несвязанных друг с другом событий – Великой Французской революции и

Октябрьских событий 1917 года в России – позволяет автору отобразить в наиболее полном варианте свою интерпретацию происходящих в родной стране событий. Объективная истина в понимании происходящего, к которой стремился писатель, вытекает из множества точек зрения, возникающих при художественном осмыслении событий. И точки зрения в нашем случае представлены не только во взглядах отдельных действующих лиц произведений – персонажей, но и на базе разных исторических платформ – русской и французской национальных почвах. Общая тональность сравнения («...Храмы совершенно друг на друга не похожи. Оба были на редкость хороши, только киевский светел и приветлив, а парижский угрюм и страшен: день и ночь» [1, с. 101]) заявлена уже в Прологе к роману, когда Андрей Кучков прибывает в Париж, знакомится с ним и постоянно сопоставляет два города и два центральных для стран храма.

Заметим также, что, по нашему глубокому убеждению, в тетралогии М. Алданова сопоставление двух культур не является искусственным, что обусловлено целым рядом причин. Известно, что жизненный путь М. Алданова неразрывно связан с Францией. Он провел в этой стране особенно плодотворные годы своей жизни, что отразилось в его художественных и публицистических работах [8, 9, 10, 11, 12, 13 и др.].

Многочисленные сопоставления России и Франции в произведениях М. Алданова чрезвычайно знаковые. Обусловлен такой интерес писателя, с одной стороны, тем, что он осмысливал исторические события, полностью перестроившие жизнь в российском государстве, и пытался обосновать генетические истоки Октябрьского переворота. С другой стороны, М. Алданов искал закономерные корни произошедших событий, проводя аналогии с историей становления и развития именно французского общества. Писатель, впрочем, как и многие его

современники, считал, что события Великой Французской революции являются своего рода прототипом событий, развернувшихся в России 1917 года.

Писатель-историк М. Алданов, «препарируя» исторические события, тщательно исследует факт резонирующего влияния конкретного исторического события (переворота во Франции или переворота в России), губительные последствия любого насилия над историей народа, очевидные закономерности происходящих и повторяющихся судьбоносных общественных катаклизмов. Поэтому обращение писателя к прошлому другой страны, бесспорно, является попыткой осознать историю своей собственной Родины, объяснить произошедшее с максимально возможной объективностью беспристрастного историка. Намеренная ретроспекция, авторский экскурс в историческое прошлое французской нации, выстраивание некоего культурного моста между Францией и Россией превращается в тетралогии М. Алданова в приём, актуализирующий глубину авторского понимания произошедших в России перемен. Взаимодействие культур, как известно, представляет собой двусторонний процесс и носит двусторонний характер. Диалог культур приводит к углублению культурного саморазвития, к взаимообогащению за счет иного культурного опыта, как в рамках определенных культур (в нашем случае – русской и французской), так и в масштабах мировой культуры.

И Россия, и Франция в тетралогии «Мыслитель» приобретают характер самостоятельного образа, включённого автором в повествование всех произведений: «Девятое Термидора», «Чертов мост», «Заговор», «Святая Елена, маленький остров». Повествование тетралогии как единого целого включает в себя несколько точек зрения, которые конденсируют в себе основные мотивные поля французской темы. Позиция рассказчика, который репрезентирует умонастроения общества,

находящегося в состоянии революции, зафиксирована в многочисленных репликах: «Франция переживала самые тяжелые времена всей своей истории. Военные дела республики были в блестящем состоянии: армия шла от победы к победе. Но эти успехи не радовали никого. Революция явно вступила в полосу развала и вырождения. Никому не было известно, кто и во имя чего правит государством...» [1, с. 188]. Повествование насыщено разнообразными оценками революционных событий, вложенными в уста различных персонажей. Однако, перечисление, казалось бы, противоречивых оценок выстраивается автором в романе в стройную линию общей картины, объединённой замечаниями «всезнающего» рассказчика. Судьба революции, её героев и «антигероев» занимает посетителей салонов, светских раутов, встреч в клубах и на улицах. «Страна философов» и «мятежная родина» становится предметом постоянной рефлексии, как приезжих чужестранцев, так и самих французов. Амплитуда оценок весьма обширна: вполне умеренные взгляды Талейрана соседствуют с возвышенно-романтическими восторгами Борегара, жёсткая оценка Пьера Ламора («...Теперь только ненормальный человек может ехать без необходимости в дом умалишенных, именуемый Парижем. Ненормальный человек или еще, пожалуй, философ, желающий изучать людей в естественном состоянии» [1, с. 146]) дополняется криками восхищённой толпы, встречающей Робеспьера. Обилие противоречивых оценок заполняет пространство повествования: «...Излагали они её по-разному и довольно сбивчиво; было даже трудно понять, – и едва ли сами рассказчики вполне ясно понимали, – в чём её основной политический смысл» [1, с. 220].

Мнение о Франции главного героя, молодого русского Юлия Штааля, который отправился в Париж с неясной миссией («...Геройский ли подвиг или дело весьма предосудительное, а то, быть может, и грязное» [1, с. 165]), меняется на протяжении всего повествования: от полного разочарования до необъяснимых

впоследствии заполонивших героя чувств ликования («Непостижимый восторг подступил к горлу Штааля. Он рванулся вперёд почти в исступлении. Разбирая впоследствии свои чувства, он решительно ничего не мог в них понять и приписывал их мгновенному опьянению, страшной заразе, перехваченной у обезумевшей толпы. <...> И тем не менее он, <...> испытывал восторг, близкий к исступлению...» [1, с. 219]). Однако именно с позиции этого персонажа проводится основное сопоставление Франции с Россией. Посредством ассоциаций, воспоминаний, сравнений Штааль отождествляет заседания в клубе якобинцев с Шкловским училищем, в Пьере Ламоре он находит сходство с «одним престарелым евреем, которого все знали в Шклове», разговорчивость и откровенность Дюкро он считает следствием долгого пребывания француза в России, Париж сравнивает с Петербургом, Notre Dame с Софийским собором в Киеве. Отметим, что сравнение, как правило, проводится не в пользу французских реалий. Так, при выборе домика в Пасси Штааль отмечал: «Правда, Сена сама по себе не могла идти в сравнение ни с Днепром, ни с Невою, но всё-таки это была Сена...» [1, с. 156], при сопоставлении первых впечатлений от Парижа и воспоминаний от первой встречи с Петербургом герой испытал тягостное разочарование: «...Штааль вначале испытывал некоторое чувство разочарования. Петербург, до посещения которого он ничего не видал, кроме городков русского захолустья, своё время поразил его много сильнее: Петербург был не только грандиозен, – он был новенький, весь будто только что выкрашенный. В Париже всё потускнело и облупилось от времени» [1, с. 158], чувствуя, что заболевает на чужбине, Штааль инстинктивно стремился успокоить себя воспоминаниями о родной стороне: «Хорошо было бы теперь выпить горячего русского чаю с лимоном, затем лечь в настоящую постель, вместо того одра, и накрыться периной, подоткнув под себя края. Да ещё на перину

положить что-нибудь, подушку что ли...» [1, с. 172]. Неопределённость, смущение, душевная тяжесть, боязнь быть разоблачённым шпионом, состояние перманентного дискомфорта усугубляется парижской духотой, жарой и пылью. Контрастом, глотком живительной влаги, радостью даже от удивительной ясности названий месяцев предстаёт перед глазами Штааля Родина: «Вдруг <...> неожиданно вспомнился парк Шкловского имения, тенистая, всегда сырая, густо поросшая орешником аллея, круто и криво спускавшаяся к реке, где они так весело купались летом каждое утро» [1, с. 211]. Оппозиция Россия-Франция разрабатывается автором во внутренних монологах персонажа: «Исторические сцены перестали интересовать Штааля. Он все тоскливее мечтал о том, как бы поскорее и побезопаснее убраться от истории и от Революции, как бы покинуть Францию, не рискуя угодить в тюрьму или на эшафот. <...> Великолепный, спокойный Петербург, в котором не делалась история, но зато можно было жить по-человечески, пышные сады Царского Села, еще более Шкловское имение, где прошли его детские годы, всё томительнее вставали в памяти Штааля» [1, с. 210]. Чёткое противопоставление чужой Франции и родной России становится ведущим лейтмотивом уже в первом романе тетралогии – «Девятое Термидора». Этот лейтмотив служит своего рода векторным направлением для дальнейшего выстраивания основных тем всей тетралогии.

Для М. Алданова важным было определить болезни, которые настигли его Родину – Россию. Поэтому столь знаменательными становятся рассуждения автора о специфике устанавливающихся в революционной Франции отношений. Исходя из утверждения М. Бахтина о том, что только в диалоге культура приближается к пониманию самое себя, суть диалога русской и французской культур в тетралогии «Мыслитель» заключается не в констатации факта взаимодействия и взаимообогащения культур, а в возможности рассмотрения закономерностей,

параллельно существующих на почве разных культур. Поэтому через осмысление французской революции для М. Алданова становится возможным понимание сущности революции в России. Вероятно, стремлением понять произошедший в начале XX века переворот в России объясняется фраза о будущих последствиях революционных событий во Франции, вложенная в уста одного из персонажей романа «Девятое Термидора» – господина Дюкро: «Для всего человечества начнётся эра мирного свободного труда... <...> Поверь, освободится и твоя родина. Факел французских идей озарит беспредельные степи России. Скоро мы повезём наши книги, наши журналы, наши картины, наши продукты, наши медные и жестяные изделия... поверь, эра позорного рабства кончается для всего мира!.. Франция освободит человечество» [1, с. 214]. Для М. Алданова, столь великое событие в истории французского народа становится источником потрясений в его собственной стране спустя многие годы. Писатель исходит из установки, которая гласит, что не существует изолированных культур, все они живут, развиваются и подпитываются только в диалоге с другими культурами. Органичность взаимного обогащения в романе «Девятое Термидора» объяснима при помощи бахтинского тезиса: «Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно,

вопросов серьезных, подлинных). При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются» [3, с. 334-335].

Значительные мысли о Франции вкладываются автором в уста Э. Канта, с которым встречается Штааль. Философ считает, что происходящее во Франции невозможно даже именовать революцией: «...Одна группа людей пришла на смену другой группе и отняла у нее власть ... Почему эти люди не начнут революции с самих себя?» [1, с. 79]). По мнению Канта, настоящая революция может происходить только в сознании человека, и она должна быть связана с научными достижениями, философией, а не с убийствами, мятежами и войнами. Содержательная перспектива развития культуры представлена в тетралогии благодаря воспроизведению реалий французской жизни на рубеже XVIII – XIX веков. Автор исходит не только из исторического, философского, но и литературного контекста эпохи, что отражается, в первую очередь, в упоминаниях имен известных французских писателей. В тетралогии, наряду с немецкими, английскими, русскими писателями и философами, звучат имена П. Корнеля, Ж.-Б. Мольера, Ж. Расина, Ф.-М.А. Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, А.-Л.Ж. де Сталь, А. Шенье, Ф.-Р. Шатобриана. Для писателя принципиально значимым становится констатация степени влияния литературы на унастроения народных масс. Так, Штааль, в разговоре с Ламором, пытается понять причины французского переворота, уяснить, как из замечательных идей великих философов могли вырасти столь жестокие последствия в виде кровавой революции. Герой-скептик Ламор пытается показать несостоятельность утопических идей «всеобщего состояния» единства и равенства людей с помощью революций. «Теперь Франция – сплошной дремучий лес, населенный разбойниками, причем в главной, атаманской берлоге заседают ученики Руссо. Это и есть естественное состояние человеческого рода...»

[1, с. 148]. Критикой идей Ж.-Ж. Руссо пропитана вся тетралогия «Мыслитель», и отправной точкой является уже первый роман «Девятое Термидора».

В тетралогии автор разрабатывает мотив театральной игры. По М. Алданову, разные политические манипуляции, войны и революции не что иное, как разыгрываемые фарс и трагикомедия: «Я не придаю большого значения смерти, особенно чужой, но жирондистов всё-таки жаль. – Говорил Пьер Ламор – Они умерли с достоинством, не отрицаю. Эти люди были созданы для подмостков – даже для подмостков эшафота. Как политики они достоинством не блистали. Политика – это шарлатанство, умеряемое пронизательностью» [1, с. 181]. Не случайно имя знаменитого комедиографа Ж.–Б. Мольера особенно актуализируется в тетралогии «Мыслитель». Показательно, что Пьер Ламор называет Ж.–Б. Мольера «великим гением, <...> самым гениальным из писателей» [1, с. 149]. Аллюзии на произведения французского комедиографа во всех романах тетралогии М. Алданова встречаются неоднократно.

Кроме того, в ткани повествования всех четырёх алдановских произведений, особенно романа «Девятое Термидора», без труда можно проследить влияние творческого наследия В. Гюго, в частности его романов «Девяносто третий год» и «Собор Парижской Богоматери». Да и название тетралогии М. Алданов даёт по имени одной из химер Notre Dame. Уже в прологе к роману «Девятое Термидора» очевидной является аллюзия на пространство романа «Собор Парижской Богоматери». Узкая винтовая лестница «со ступеньками, расширяющимися к одному краю» [1, с. 15], приводит героев Пролога на вершину храма к статуе каменного чудовища дьявола-мыслителя, «зверя рогатого и горбоносого» [1, с. 15]. Взгляд химеры, олицетворяющей людские пороки, направлен на противоположную сторону острова туда, где «суетились люди: там разбирали остатки костра» [1,

с. 16]. Страхи, потоки крови, смерти, преступления, вызванные к жизни немыслящими людьми – революционерами – провидчески рассматривал дьявол. Образ химеры, лютого зверя, взирающего на вечный город, обрамляет повествование романа «Девятое термидора». Штааль, окунувшись в события французской революции, увидев своими глазами кровавую драму, «возвращён» автором к необходимости мыслить, рассуждать, искать смысл произошедшего: «Я ещё не понял ни жизни, ни истории, ни революции. Смысл должен быть, смысл глубокий и вечный. Мудрость столетий откроется мне позднее... Я пойду в мир искать её!» [1, с. 268]. Равнодушное каменное чудовище встречает потрясённого событиями героя: «Опустив голову на худые руки, наклонив низкую шею, порытую черной тенью крыльев, раздувая ноздри горбатого носа, высунув язык над прямой звериною губою, бездушными, глубоко засевшими глазами в пропасть, где копошились люди, тёмный, рогатый и страшный, смотрел *Мыслитель*» [1, с. 268]. По М. Алданову, химера, воплощая все человеческие грехи, противостояние веры и безверия, страсти, извечно бушующие в людских душах, является напоминанием и укором для не желающих мыслить поколений, как французов, так и русских, допускающих революции и войны.

Идея исторически установившегося диалога русской и французской культур, пронизывающая всю тетралогия М. Алданова «Мыслитель», разрабатывается автором уже в первом романе «Девятое Термидора». Повествование о событиях Великой Французской революции, по замыслу писателя, является попыткой осмыслить самому и объяснить читателю своё толкование событий, развернувшихся в России в начале XX века. Знаменательно, что Н.А. Бердяев в «Размышлениях о русской революции» подчёркивал: «Русская революция – отвратительна. Но ведь всякая революция отвратительна. Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало и быть не может. Всякая революция

бывает неудачной. Удачных революций никогда не бывало. Французская революция, признанная "великой", тоже была отвратительной и неудачной. Она не лучше русской революции, она была не менее кровавой и жестокой, столь же безбожной, столь же разрушительной в отношении ко всем историческим святыням» [5, с. 579]. Исторические и культурные параллели, возникающие в первом романе тетралогии М. Алданова, в последующих произведениях «Чертов мост», «Заговор», «Святая Елена, маленький остров» становятся своего рода камертоном для дальнейшей интерпретации поворотов и катаклизмов, сформировавших историю российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Алданов М. Мыслитель: Тетралогия. Девятое Термидора. Чёртов мост / Художник П.С. Сацкий / М. Алданов. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД»; Харьков: Фолио, 1998. – 544 с.
- Алданов М. Мыслитель: Тетралогия. Заговор. Святая Елена, маленький остров / Художник П.С. Сацкий / М. Алданов. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД»; Харьков: Фолио, 1998. – 496 с.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с. – (Из истории сов. эстетики и теории искусства).
- Бердяев Н.А. Новое средневековье / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Худож.-офор. Б.Ф. Бублик. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 688 с. – (Вершины человеческой мысли). – С. 548-578.
- Бердяев Н.А. Размышления о русской революции / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Худож.-офор. Б.Ф. Бублик. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 688 с. – (Вершины человеческой мысли). – С. 579-606.
- Кармацких Н.В. Поэтика тетралогии М. Алданова «Мыслитель»: мотивный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – Русская литература / Н.В. Кармацких. – Тюмень, 2009. – 179 с.

- Орлова Т.Я. Жанровые аспекты эпического цикла: Трилогия М. Алданова «Ключ. Бегство. Пещера»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология / Т.Я. Орлова. – Москва, 2002. – 202 с.
- Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов / А.Г. Соколов. – М.: Издательство МГУ, 1991. – 184 с.
- Струве Г. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы / Г. Струве. – YMCA-PRESS, Paris, 1984. – 427 с.
- Чернышев А. А. Ключи в Алданову / А. А. Чернышев // Алданов М.А. Сочинения: в 6 кн. Кн. 66: Ульмская ночь. Литературные статьи. –М., 1996. –С. 5-18.
- Чернышев А. А. Материк "Марк Алданов": неизвестная часть / А.А. Чернышев // Алданов М. Сочинения: в 6 кн. М., 1994. Кн. 1. – С. 5-12.
- Щедрина Н. М. Литература русского зарубежья (историческая проза Б. Зайцева, Д. Мережковского, В. Ходасевича, М. Алданова, А. Солженицына, В. Максимова): метод, пособ. / Н. М. Щедрина — Уфа: БашГУ, 1994. –70 с.
- Щедрина Н. М. Проблемы поэтики исторического романа русского зарубежья: (М. Алданов, В. Максимов, А. Солженицын) / Н.М. Щедрина. Уфа: БашГУ, 1993. – 176 с.

